

Александр Курский МЕЖДУ ХАОСОМ И ПЕРСОНАЖЕМ, или ОБ АВТОРЕ "ПРЕКРАСНОСТИ ЖИЗНИ" И ДРУГИХ РАССКАЗОВ И РОМАНОВ, НАПИСАННЫХ ПЕРСОНАЖАМИ РОМАНОВ

Любая культурная эпоха предполагает определенный временной отрезок для самопознания: понимание своих особенностей требует неспешности и чуткости, тем более, что взгляд изнутри отягощен предыдущим менталитетом, его мифами и инерцией. Время принципиальных оценок литературного постмодернизма как будто завершается, даже несмотря на то, что определенность взгляда не гарантирует астрологам-критикам прогноза следующего номера "толстого" журнала. Общие выводы о постмодернизме становятся более родными, ласковыми и понятными. И все же нынешнее состояние критики шаткое, ведь особенности стиля конкретного писателя могут поколебать уже устоявшиеся постулаты и напомнить лишний раз, что творчество - дело штучное.

Евгений Попов - пожалуй, самый неисследованный современный писатель. О нем вообще не говорят, или затрагивают его тексты вскользь, как бы иллюстрируя на них тенденции современной прозы. Попробую систематизировать то немногое, что написано об этом интересном художнике:

а) Условно говоря, доброжелательная критика (О.Дарк, М.Элштейн, М.Липовецкий) - ерническое паралитературное бормотание; тотальная пародийность стиля, обесценивание процесса письма безвременьем, заброшенность по ту сторону бытия и особого рода карнавальная свобода, рождаемая этим состоянием; смеховое обыгрывание постмодернистской мифологии; выведение вместо героя-чудака 60-х героя-мудака 80-х, человека, из которого как бы вынут стержень индивидуального существования и остался лишь бред всеобщего.

б) Условно нейтральная критика (К.Степанян, А.Немзер, С.Костырко) - низведение роли автора до секретаря при персонаже, лучшее произведение "Душа патриота, или Различные послания к Ферфичкину", потому что там "энергия реального поиска", а все остальное лишь муширование отработанных вариантов.

в) Негодующая и бичующая критика (А.Марченко) - "склеивание вульгарной совдеповской лексики с комильфотной классической". Что ж! Чужое творчество всяк волен критиковать. Наверное, и я.

Роман Евг. Попова "Прекрасность жизни" - долгожитель в быстротекущем потоке современной словесности (датирован 1987 годом, опубликован в 1990 году). Однако анализа этого произведения не было до сих пор, лишь ссылки да оговорки. К 1987-1990 гг. особенности письма Евг. Попова были читателям уже знакомы, тем не менее, "Прекрасность жизни" удивила многих. Цитатность, что составляет важную черту романа, уже давно была привычна: Бродский, Кирилов, Пригов. Однако у этих авторов цитатность - это текст плюс приемы-клише, которыми демонстративно играют. Компонировка газетных статей, советских афоризмов, дежурных лозунгов у Попова имеет несколько другую структуру. Видимая пустота повествования, делаемая прямо на глазах читателя, создает впечатление, что перед нами миф, вывернутый наизнанку. "Прекрасность жизни" устроена следующим образом: 1. Текст, дата написания которого автором совпадает с номером главы. 2. Газетная цитация за этот год. 3. Фрагмент-комментарий, якобы относящийся к первой половине 80-х годов. Уже сама временная модель романа,

ограниченная промежутком 1961-1986 глав-годов, говорит об игре с тем емким явлением человеческого сознания, название которому миф. Человек и мир растворены в первой и третьей частях каждой главы, между которыми нет прямой оппозиции. Прошлое и настоящее плавно перетекают друг в друга за счет второй части главы. Сакральным третьим в романе оказывается соцреализм и масскультура, сливающиеся в единый образ трикстера-перевертыша. Соцреализм при этом остается хранилищем государственных мифов, фабрикой по созданию примера, образца. Остроумным подбором газетных статей, заголовков Попов иронизирует над такой особенностью мифологического сознания, как историческая инверсия: прошлое воспринимается как абсолютная гармония человека и мира, и поэтому оно предпочтительнее будущего, а тем более, настоящего.

В романе обыгрывается нераздельность мифа и ритуала. Миф не жизнеспособен без ритуала, и ритуал есть воспроизведение мифа сейчас. Евг. Попов описывает то, чему был сопричастен. Неслучайно в первой главе мы находим бодрящий опус 1961 - 1946 = 15-летнего Евг. Попова "Эстафета поколений" об открытии комсомольского съезда. Начало "романа с газетой" соответствует возрасту инициации (переход юности в статус мужчины через приобщение к сакральному). Пропущенные 1960 главы, начиная от рождения Христова, знаменующего исходный пункт современной цивилизации, никогда не будут написаны, потому что автор тогда не жил, не чувствовал (разрядка моя - А.К.), и не было долгое время газет. А с 1946 года он жил, но о с о з н а н н о занялся литературой в 1961 году.

Отрывочность и фрагментарность - тоже характерная черта мифа. Миф направлен на изображение превращения хаоса в космос. "Человек и хаос", как отмечают многие критики, является излюбленной темой постмодернистов. Действительность оказалась более иррациональной, чем познаваемой, фантазии и идеи каждого из нас имеют немалую ценность, чем бытие вообще. Хаос победить невозможно, нельзя также познать и оценить его размеры. Он изначален. Но можно и должно обустроиться в хаосе, создать хаосмос. Для решения этой задачи Евг. Попов использует архетипы карнавальной культуры. Национальные мифы воссоздаются на языке современности-масскульты: виртуозный пасьянс из газетной фразеологии вызывает уничтожающе-возрождающий смех: например, "Будем ценить наше родство. Лихачев". Казалось бы само имя уважаемого академика застраховано от осмеяния и пародии. Это серьезность и боль. Но Д.С.Лихачев сам написал книгу о смехе в "мифическое" (застойное) для России время, а всякий факт есть знак чего-нибудь. Но и "карнавализованная подтекстом" фраза остается глубоко гуманистичной. Сколько бы мы ни припоминали забавных аллюзий, а уже в 1987 году было ясно, что чуть в сторону от традиционнo-гуманистического, и запахнет кровью. Попов сознательно использует карнавальный смех в целях одомашнивания неприглядной действительности, среди которой протекает и жизнь героев, и жизнь самого автора. Писатель не пытается ни упорядочить жизнь, ни тем более бороться с ней. Он ничего не переделывает и не досказывает в лексической системе прошлого. Он вроде бы воспроизводит недавнюю эпоху и в содержании, и в стиле такой, какой ее видело большинство. Вроде бы... Художник, имеющий индивидуальную точку зрения на мир, композиционно

сцепляет осколки единого мифо-времени (застоя), так как само время такой композиции создать не может, оно слишком близко. Попов - автор (как говорят, концептированный творец) держит дистанцию и по отношению к мифическому времени, и по отношению к простодушному своему персонажу-однофамильцу, но при этом не брезгует косноязычием эпохи, принимая его как данность. Жизнь в мифе ли, вне ли мифа, как говорится, есть жизнь. И возможны разные варианты культурного поведения в ней: или прагматичного, но отнюдь не кошачьего, как у Д.А.Пригова в "Книге о счастье", или наивно-непосредственного, как у Евг. Попова.

И все же история движется, и не циклично, как в мифе, а вперед, только вперед. А раз так, то в жизни ценно каждое мгновение. Увы, в эпоху застоя жизни мало повезло: соцреализм и масскультура давят на нее в своем постоянном совокулении, поэтому она страдает комплексом неполноценности, недосказана внутри себя. Тоталитарно-массовому тексту явно недостает контекста.

Персонаж Попова живет в буднях, в житейском. Он не мятежник. Но все же пытается выделиться из общего, почувствовать свое "я", хотя бы по-бытовому, но определиться: "Хватит. Решил, значит, все". Процесс самоопределения непоследователен: если нет определенности у самой жизни, то нет и четкости поведения у человека.

Одна из центральных проблем всего творчества Евг. Попова - взаимоотношения персонажа с именем Евг. Ан. Попов и Автора с большой буквы, т. е. литературы и жизни, текста и творца. Это ведущий мотив не только "Прекрасности жизни", но и многих рассказов, повести "Билли Бонс", романов "Душа патриота" и "Накануне накануне". Современный автор знает, что он вынужден пользоваться чужими приемами, концептами и структурами, что предложенное им решение вечных вопросов - лишь перекрестное наложение всего до него наработанного. Писатель - п-ный ретранслятор мирового текста для следующего ретранслятора. Но энный ретранслятор все же не желает быть вещью, пусть даже исправно работающей. Он ищет свободы. Либо свободы в жизни (Евг. Попов), либо - в смерти (В.Сорокин). В первом варианте автор должен раздвоиться (или расстроиться) в потоке художественного повествования. Но при этом остаться. Без такого автора была бы только "прекрасная жизнь", с автором появляется "прекрасность жизни", потому что "унылый голос глуповатого автора не заменит никакая машина". Автор - это и Попов в миру, и некто, ему параллельный. Вся эта шайка авторов-персонажей напоминает юродивого, выплескивающего наивно-мудрые мысли в мире глупом, но очень близком, родном. Юродивые Попова не кричат, не опрокидывают общепринятые идеалы. Они прижились, сглаживая ернический ужас мира. Теперь наша читательская задача услышать их тихую мудрость в анекдотических ситуациях. "Братья Евг. Ан. Поповы" хотят счастья в хаосе. Человек не равен миру и мифу, среди которого он живет и будет жить всегда. В бардаке реальности можно существовать с удовольствием. Разумеется, удовольствие и мудрость жизни разбросаны по тексту не слишком густо. Зато какие это перлы! Их сразу замечают и берут в оборот критики. И о том, что жизнь прекрасна, а вот если ее нет, то не прекрасна. О вымороченности повествования. О реальности мира и реальности литературы. О том, что каждый миг неповторим, и каждый миг - смерть, смерть, смерть. О том, что если сюжет не развивается, то, может, в этот момент развивается автор... Так бормочет "придурковатый" Евгений Анатольевич (тот самый, что снится героине "Накануне-2" рядом с Поповым, Ерофеевым и Приговым): бардак - это и есть жизнь, с ее изгибами, нелепцами и падениями, что жизнь бесконечна по обе стороны от настоящего, и мы всегда будем накануне накануне.

Современный юродивый не может быть воинственным, он слишком для этого грамотный. Он может лишь по-доброму, не ломая природы жизни, продолжать ее на новых, хотя до конца никому не известных основах. Жизнь неостановима ни в мифе, ни в быту. Абсолютное, которое заключено в непосредственности и прекрасности жизни, растворено в ее бесконечности, неэсхатологичности. Болячки обычного человека не больше и не меньше предсказаний о конце света. Не равнозначны, но и не параллельны, а как бы бурлят в одном потоке, где все соприкасаемо и все имеет право на существование: безумие и абсурдность жизни и авторская ирония над этим, да и над самим ироничным автором тоже. Смех у Попова не судья, а лишь одна из песчинок "времени-вечности" жизни.

Евгений Попов очень демократичный писатель. Он никому ничего не навязывает. Его персонажи слишком наивны, чтобы учить. Попов играет структурами уходящего мировосприятия, очерчивая контуры настоящего, прошлого и будущего. А так как "восприятие текста всегда борьба между слушателем и автором" (Барт), Попов стремится заменить эту борьбу "мирным сосуществованием". Не так уж однообразны его произведения, как это кажется критикам, и не такой уж гадкий роман "Накануне накануне", как это видится А.Марченко. Добрее надо быть и доверчивее, внимательнее и чутче, как сам Евгений Анатольевич Попов.

Ю.Евлампов. Увиденное (12 листов), лист 6. 1993.
Черно-белая фотография. 18x24 см